

Чернявский С.И.

МГИМО МИД России,
директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований,
профессор Кафедры мировых политических процессов

У истоков российско-португальских отношений

Аннотация: Статья посвящена важнейшему этапу в истории российско-португальских отношений (1722–1799 годы) — от первых, ознакомительных дипломатических контактов (1722 год) до заключения двустороннего Союзного оборонительного договора (1799 год). На основе архивных материалов автор анализирует сложную дипломатическую активность обеих сторон, которая привела к установлению дружеских, доверительных отношений Лиссабона и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Россия, Португалия, российско-португальские отношения, дипломатия.

Cherniavskiy Stanislav I.

The sources of the Russian-Portuguese relations

Abstract: The article is devoted to the most important stages in the history of Russian-Portuguese relations (1722–1799) — from the first study of diplomatic contacts (1722) to conclusion of a bilateral Defense Treaty of the Union (1799). On the basis of archival materials, the author analyzes the complex diplomatic activity on both sides, which led to the establishment of friendly, trusting relationship Lisbon and St. Petersburg.

Keywords: Russia, Portugal, Russian-Portuguese relations, diplomacy.

В первой половине XVIII века в Европе и за ее пределами развернулось жестокое соперничество между Францией и Великобританией, крупнейшими колониальными и морскими державами того времени. Их привлекали одни и те же районы земного шара — Индия (Ост-Индия) и Северная Америка. Все вооруженные конфликты, имевшие место между ними, включая войны за испанское и австрийское наследство, сопровождались яростными столкновениями в колониях. Эти события вызывали серьезную тревогу в Португалии, завершавшей свой «золотой период».

В царствование короля Жуана V (1706–1750 годы — *João o Magnânimo*) Лиссабон получал ежегодно из своих американских колоний до 1 200 кг золота и огромные количества бриллиантов из Бразилии. В этих условиях любые попытки развивать собственную промышленность и сельское хозяйство были безуспешны. Аристократия тормозила любую модернизацию. Страна кормилась за счет импортируемого из Бразилии продовольствием, и почти ничего не производила сама. Вся внешняя политика была направлена на сохранение любой ценой Бразилии. Но золото стремительно «утекало, рушилось государство, на обладание которым постоянно претендовали обе соседки — Испания и Франция.

Россия, напротив, укрепляла свое влияние в Европе. Успешное завершение Северной войны 1700–1721 годов открыло новый этап в ее внешнеполитической стратегии. Страна получила выход в Балтийское море, вернула ряд исконных русских земель и удержала за собой богатые прибалтийские провинции — Лифляндию и Эстляндию. Ништадский мирный договор 1721 года закрепил осуществление великой исторической задачи, за решение которой Россия вела многовековую борьбу. Она, наконец, обрела гарантированный выход на мировые торговые пути, значительно расширивший ее политические, экономические и культурные связи с Европой.

Россия и Португалия – внешнеполитические приоритеты

Рассматриваемый исторический период является единственным, когда Португалия оказалась в числе внешнеполитических приоритетов России. Ускоренное развитие русской внешней торговли на балтийском направлении способствовало подъему ее национальной экономики. Северная война привела к коренному изменению в соотношении военно-политических сил в Европе: Швеция превращалась во второстепенное государство, а Россия, утвердившись на берегах Балтики, заняла достойное положение в европейской системе. Победа России в Северной войне обусловила существенную перестройку в расстановке сил на международной арене. В формировавшейся в Европе новой политической структуре Россия претендовала на более важное место: ее присоединение к той или иной группировке создавало серьезный перевес сил, требовавший восстановления «европейского равновесия» и соответствующей трансформации системы союзов.

Эти изменения во внешнеполитическом статусе сулили русскому государству не только заманчивые перспективы, но и выдвигали перед его руководством ряд сложных геополитических проблем.

Одной из самых непримиримых противниц России в Европе в 20-е годы XVIII века стала Англия. Британские власти не без основания опасались роста ее политического и военно-морского могущества, стремясь любым путем сохранить практически монопольную роль посредника во внешней торговле России, особенно в том, что касается экспорта кораблестроительных материалов. Дипломатические отношения, прерванные в 1720 году, наносили чувствительный ущерб экономическим интересам обеих сторон, были восстановлены лишь в декабре 1731 года. В отношениях с другими ведущими европейскими державами также наблюдалась напряженность: в апреле 1731 года приостановились дипломатические отношения с Испанией (вплоть до 1760 года), а с 1749 года на 7 лет были заморожены отношения с Францией. Россия воевала со Швецией в 1741–1743 годы, а также принимала участие в общеевропейской Семилетней войне 1756–1763 годов.

Отношения Португалии с ее ближайшими соседями складывались также непросто. Прижатая к Атлантике Испанией и Францией, в которых правили представители единой семьи Бурбонов, она могла рассчитывать лишь на помощь англичан, которая была далеко небескорыстной.

Лиссабонский договор (16 мая 1703 года) провозглашал «вечный союз» между Португалией и Англией (ст. 14). Англия обязалась оказать Португалии помощь в войне с Испанией и Францией войсками и флотом, достаточным для защиты берегов Португалии и её владений вне Европы (ст. 1–10). Со своей стороны Португалия обязалась поддерживать Англию в войне всеми своими силами (ст. 11). Наиболее важным для Англии условием договора стало согласие Португалии на постоянное базирование в её портах определённого количества английских военных кораблей как в военное, так и в мирное время, что позволило Англии оказывать политическое влияние на Португалию. Лиссабонский договор вместе с Метуэнским (27 декабря 1703 года) установил политический союз Португалии с Англией, сохранявшийся вплоть до середины XX века, в котором Португалия играла роль младшего союзника, а фактически вассала Англии. Полученные Англией преимущества дали возможность ей в короткий срок овладеть почти всей торговлей Португалии (уже к 1775 году торговля Англии с Лиссабоном в два раза превышала торговлю с этим портом торговлю всех стран, вместе взятых) и подавить развитие местной португальской промышленности.

Российские дипломаты, отслеживавшие внутреннюю ситуацию в Португалии, докладывали в Петербург, что «финансы, торговля, вооруженные силы, нравы и национальное самосознание этой страны пребывают в состоянии невообразимого варварства. Все области государственного управления находились в беспорядке. Тупой фанатизм господствовал над этим хаосом, и покровы религии скрывали и поощряли пороки, достигшие вершины своего развития. Дворянство было спесивым, трусливым, невежественным и непокорным; священники и монахи могли все. Финансы были истощены, не было ни войска, ни кораблей, ни сельского хозяйства. Иго англичан, которые захватили всю власть и все деньги, для доброго гражданина было самым невыносимым из всех этих зол.

Торговля была областью, наиболее погрязшей в пороках и труднее всего поддававшейся преобразованию. Англичане давно убедили португальцев, что стране, имеющей золото, не нужны ни сельское хозяйство, ни промышленное производство; они поставляли Португалии все жизненно необходимое, и только это, и в результате вывозили за бесценку все их золото»¹.

¹ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 41, л. 15–16 об.

Чем же могла заинтересовать Россию далекая Португалия? В первую очередь своим стратегическим положением на пути в Средиземноморье. Постоянные войны с Османской империей требовали передислокации из Балтики крупной военно-морской группировки в Средиземное море с тем, чтобы нанести туркам удар с тыла. Для этого понадобились транзитные порты, в которые корабли могли бы зайти на временную стоянку для ремонта и пополнения необходимых запасов. Идеальным вариантом могла бы стать Португалия.

О ней размышлял еще Петр Великий. В Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) сохранилось предписание канцлеру Г. И. Головкину от 1722 года о назначении дипломатических представителей в Европу с личной припиской царя — «еще надобно в Португалию».

Одним из первых шагов в целях установления официальных контактов стало приглашение зимой 1724 года португальского представителя на коронацию супруги Петра Екатерины I. В качестве такового Лиссабон направил аббата Томаша да Сильва де Авелара (в его обязанности входило представлять Португалию на различных торжествах, проводимых дворами европейских стран).

Готовясь к своему визиту в загадочную Московию, аббат писал: «Я нахожусь в таком замешательстве, что заслуживаю сочувствия. Уже середина зимы, а мы должны отправиться в северные страны, очень холодные, некультурные, невежественные, лишенные всяких удобств для путешествий и только полных тысячью опасностей для жизни, как нам здесь говорят»². И далее: «Присутствие на коронации шведки, жены одного из капранов, дело очень дорогое, предстоит преодолеть более чем 400 легуа (легуа = 5 км) пути среди невежд»³.

Однако результаты визита в Россию опрокинули предубеждения аббата. Возвращаясь на родину после двух месяцев пребывания в Москве и полутора месяцев в С.-Петербурге, он докладывал в августе 1724 года:

«Я не могу описать в. м-сти те почести и любезности, которые мне были оказаны со стороны этого великого монарха (Петра I — *авт.*) и его министров, а также всеми представителями иностранных держав, находившимися здесь. Достаточно сказать, что я покидаю эту страну очень довольным, о чем в. м-сть может сообщить нашему двору»⁴.

Российско-португальские дипломатические контакты начались в Лондоне в декабре 1732 года в очень осторожной форме — прошел лишь год после восстановления дипломатических отношений с Англией, и посланнику А. Кантемиру приходилось опасаться любых провокаций.

Судя по полученной в С.-Петербурге информации, российского дипломата посетил по собственной инициативе секретарь посольства Португалии в Лондоне Кампуш, который завел доверительный («партикулярный») разговор о прямой двусторонней торговле. Разговор получился длинный и содержательный. Португалец жаловался на засилье англичан в экономике страны, интересовался номенклатурой российских товаров, которые можно было бы закупать напрямую, минуя посредников. «Из наших товаров, — отметил Кантемир, — им угодны: пенька, железо, холсты, клей рыбей, а Португалия нам ничего не может дать, кроме вина, овощей и золота»⁵. Несмотря на заявленную Кампушем «партикулярность» беседы, он «просил меня (Кантемира — *авт.*), чтоб я об всем том партикулярно от себя донес ее и. в-ву, а он, с своей стороны, имел о том же писать своему статс-секретарю». По существу начался осторожный («партикулярный») зондаж позиций сторон о более серьезных переговорах.

Сообщение Кантемира с большим интересом встретили в Петербурге. Вице-канцлер А. И. Остерман в депеше, направленной в Лондон в июне 1733 года, поручил посланнику продолжить доверительные встречи с Кампушем, и уточнить у него ряд конкретных вопросов⁶.

Во-первых, какую правовую форму желательно использовать для поощрения непосредственной двусторонней торговли с обслуживанием ее португальскими и российскими судами.

Во-вторых, передать ему список российских товаров, в которых нуждается Португалия, а Россия является единственным экспортером, выяснив при этом следующие детали: по какой предположительно цене эти товары могут быть проданы? Есть ли необходимость в заключении контракта или договора, чтобы пройти таможенные формальности? Должны ли суда дожидаться продажи товаров пока купцы будут искать покупателей, и как это соотносится с уже подпи-

² Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 50 (fls.1–2)

³ Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 52 (fls.1–2)

⁴ Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 56 (fls.1–lv)

⁵ АВПРИ, ф. 36, оп. 2, д. 29, л. 12–12 об.

⁶ АВПРИ, ф. 35, оп. 1, 1733 г., д. 567, л. 29–30 об.

санными Португалией договорами с другими странами?

Каковы таможенные пошлины на товары из переданного списка, и кто их оплачивает — продавец или покупатель? Какие товары, по какой цене и с платежом какой пошлины могут быть получены из Португалии и каким способом?

Обмен информацией по дипломатическим каналам продолжался, что положительно сказалось на объемах российско-португальской торговли, хотя номенклатура товаров оставалась ограниченной — Португалия импортировала, помимо леса и железа, лен и воск, а Россия покупала португальское вино, фрукты, пробку, оливки и соль. Вместе с тем количество судоходов росло. В 1747–1749 годы из Португалии в балтийские порты России ежегодно приходило до 20 судов, а уходило только 24 из Риги. Существенным тормозом роста товарооборота оставалось то, что перевозка товаров, как правило, осуществлялась на английских или голландских судах, что не устраивало ни Петербург, ни Лиссабон.

В октябре 1754 года в рескрипте императрицы Елизаветы Петровны новому посланнику в Лондоне П. Г. Чернышеву последовало жесткое напоминание о необходимости возобновить переговоры с португальской стороной. «Еще в прошлом 1752 году реляцией Вашей под № 41 от 7 дня декабря по поводу известного секретного соглашения касательно до учреждаемой между Нашею Империей и Португалией непосредственной коммерции представляли Вы, что бывший министр, который сие дело к пользе обоих государств с Вами вечал, отозван, а на место его определен дон Лудовик да Кунья, с которым у Вас такого знакомства, как с первым еще нет, и просите о Нашем повелении производить ли Вам с ним оное дело и привести ли его от себя на сию материю, ежели он к Вам сам отзываться не станет. И хотя Вы после того об этом деле не упоминали, из чего можно понять, что новый португальский министр с Вами на эту тему не говорил, напомните ему о предыдущих беседах с его коллегой, поинтересуйтесь, есть ли реакция Лиссабона на упомянутые контакты. Если же с его стороны подобной инициативы проявлено не будет, то напомните ему в конфиденциальной форме о Нашей взаимной к постановлению той торговли склонности и, что оное и с Нашей стороны и для наших подданных не за бесполезную признается, присовокупив к тому, что когда б с португальской стороны оное дело поныне молчание оставлено не было, то б уже и давно о том в надлежащую негоциацию вступить можно было»⁷.

Выразив таким образом неудовольствие затягиванием переговоров императрица вновь потребовала от посланника информацию о таможенных тарифах в Португалии на высланный ранее список предлагаемых к экспорту российских товаров, а также проект предложений по заключению договора о прямой русско-португальской торговле.

В контексте выполнения указаний Петербурга об ускорении переговоров с Португалией в июле 1755 года состоялась встреча в Лондоне между П. Г. Чернышевым и Л. Да Кунья Мануэла.

Докладывая о ней в Лиссабон, португалец отметил, что Чернышев «указал также на развитие, которое мы обеспечили бы нашему морскому флоту за счет кораблей, ставших бы заниматься этой торговлей, а результатом того стало бы увеличение количества моряков, которые будут трудиться на этих кораблях вследствие прибыли, получаемой от фрахта. На это я возразил ему, что такая выгода окажется полностью на стороне его нации, потому что у португальцев есть чем заняться — это путешествия в Азию, Африку и, главным образом, в Америку по морям, к которым они уже привыкли. Они более спокойные, грозят меньшими неприятностями, там нет северных льдов, и португальцы плавают там с большей охотой, чем по Балтийскому морю. В то же время русским, привычным к трудностям, с которыми они сталкиваются на Севере, станет гораздо проще отправляться на Юг, что побудит их чаще и охотнее пускаться в такое плавание. И торговля с Португалией заставит их иметь значительно большее количество моряков. Поскольку же в их стране есть все необходимое для строительства судов, его двор сможет привести свой морской флот в такое состояние, что он станет внушать страх всем нациям Севера и вызывать уважение наций Юга»⁸.

В заключение Л. Да Кунья Мануэла сделал вывод геополитического характера: «Поскольку Россия совершенно не склонна вставать на чью-либо сторону во время любой войны, ее нейтралитет и нейтралитет Португалии облегчит доставку последней всех упомянутых (кораблестроительных — *авт.*) материалов без учинения затруднений под каким-нибудь предлогом как со стороны французов, так и со стороны англичан. А когда Россия вступит в войну по желанию Англии, то мощь английского морского флота всегда обеспечит свободное судоходство для русской нации».

⁷ АВПРИ, ф. 36, оп. 1, д. 45, л. 52–55 об.

⁸ Lisboa, I.A.N./T.T. M.N.E., C.L.P.L., c.689 (fls. 1–4)

Одним из результатов указанных дипломатических контактов стало решение Лиссабона предпринять конкретные шаги по изучению возможностей русского рынка. С этой целью в С.-Петербург и прибалтийские порты в 1755 году отправился португальский купец Мануэл Пинту Пайва Гарсеш. Возвращаясь домой через Лондон, он передал российскому посланнику «промеморию» по результатам своей поездки,

В записке подчеркивается, что «коммерция между Российской империей и Португальским королевством токмо посторонним образом производится и от того плодам его земли великая неудобность в разсуждении употребления оных в России происходит, где часто принуждены зело высокую ценою оные покупать. Сверх же того, португальские вина, кои поныне гамбургскими и другими кораблями на продажу привозятся, здесь в натуральной своей доброте не выгружаются, но подделаны и по большей части водою подмешаны бывают»⁹. Португальский купец выражает готовность открыть в Петербурге торговую контору, которая способствовала бы продвижению его товаров в Россию.

С учетом выводов Мануэла Гарсеша российская сторона запросила по дипломатическим каналам согласия Лиссабона на отправку в Португалию российских товаров, список которых позднее представили португальской стороне. С ними в далекое плавание отправился корабль купца М. Яковлева, нагруженный наполовину государственными (казёнными) и наполовину принудительно набранными купеческими товарами.

Что же повез русский корабль в Португалию, какие товары отобрали для продажи в неведомой стране? Архивы сохранили и этот документ — «Список товаров, погруженных русским купцом М. Яковлевым на корабль “Кристина-Екатерина”, вышедший из С.-Петербурга в Лиссабон».

В списке числятся: 1 822 железных бруса из Сибири общим весом 27 610 пудов, 56 ящиков воска весом 5 610 пудов; 13 тюков, содержащих 268 мешков кожи высшего качества весом 365 пудов и 12 фунтов; 4 тюка с 78 мешками кожи более низкого качества весом 106 пудов и 8 фунтов; 53 рулона льняного полотна высшего качества весом 3 012 пудов и 39 фунтов; 5 940 рулонов льняного полотна второго сорта весом 2 019 пудов — 166 тюков с 329 единицами парусного полотна и 308 единицами такого же полотна другого сорта, более грубой выделки»¹⁰.

Неизвестно, насколько выгодной оказалась первая поставка русских товаров. Скорее всего, больших дивидендов она не принесла. Тем более что это совпало с постигшей Лиссабон трагедией. 1 ноября 1755 года (н. ст.) в городе произошло землетрясение, полностью его разрушившее. Эти события в России встретили с глубоким сочувствием и состраданием. Российская императрица Елизавета Петровна, как отмечал в автобиографической записке первый министр иностранных дел и государственный канцлер России А. Р. Воронцов, «возымела великодушное намерение направить португальскому королю лес для отстройки города, железо, другие материалы и несколько тысяч мешков муки». Предполагалось все это доставить в Лиссабон морским путем в сопровождении видного лица, которому поручалось предложить помощь португальскому королю (по неизвестным причинам это указание не было исполнено).

Попытки российского руководства подтолкнуть российско-португальские торговые переговоры большого успеха не имели — португальцы опасались негативной реакции англичан, да и собственная бюрократия практически «забалтывала» этот вопрос. Возможно, что подобное отсутствие результатов объяснялось и внутренними проблемами. В эти годы премьер-министр Помбал (*Sebastião José de Carvalho e Melo, marquis de Pombal*), разгромив аристократическую оппозицию, изгнал из страны всевластных иезуитов, а в 1761 году запретил рабство.

Послы по особым поручениям — С. В. Мещерский и С. С. Зиновьев

В середине 1760-х годов «переговорная площадка» на некоторое время перемещается из Лондона в Лиссабон и Гаагу.

В августе 1765 года первоприсутствующий в Государственной коллегии иностранных дел Н. И. Панин поручил секретарю миссии России в Мадриде С. В. Мещерскому (1763—1765 годы), возвращавшемуся в С.-Петербург через Лиссабон, провести переговоры с португальцами на возможно более высоком уровне. В ходе беседы с премьер-министром маркизом Помбалом дипломат сообщил о готовности России установить дипломатические отношения. С португальской

⁹ АВПРИ, ф. 72, оп. 1, 1755 г., д. 6, л. 3—4

¹⁰ Lisboa, B.N., Reservados, Coleção Pombalina, 612, (fls. 156—164)

стороны последовала благоприятная реакция, но четкого ответа не было. Дипломата принял и король Жозе I (1750–1777 годы), попросивший заверить российскую императрицу, что Португалия заинтересована в тесных связях с Россией, но и он не дал конкретного ответа.

По результатам своих переговоров С. В. Мещерский подготовил для Н. И. Панина записку «Рассуждение о коммерции российской с Португалией»¹¹, в которой подчеркивал необходимость тщательного изучения местных условий. Он предостерегал, что «в таковых местах европейских, где жадность к интересу во всей своей силе, где недоверие, политика и другие посторонние резоны составляют отменное исчисление к получению верного барыша, надлежит поступать с крайнею предосторожностью и ничего не начинать прежде, как приняв всевозможные к тому меры».

В отсутствие торгового договора Мещерский предлагал назначить «одного фактора или агента от компании, который бы по меньшей мере за три или четыре месяца имел у себя в переду до прибытия корабля». Этот торговый агент мог бы заблаговременно подготовить удобные склады и выяснить конъюнктуру рынка. Товары сдавались бы на комиссию агенту, а судовладельцу после выгрузки и прохождения формальностей не пришлось бы ждать реализации товара.

Хотя систему «агентов» внедрили в практику еще при Петре Первом и агентам доверялись торговые операции с крупными партиями казённых товаров, выручка от которых нередко уходила на закупку на месте необходимых товаров, официальный С.-Петербург не отреагировал на эти предложения. Тем не менее, чтобы повысить заинтересованность португальцев, Россия в 1766 году пошла на беспрецедентный шаг: в одностороннем порядке снизила пошлину на важнейшую статью португальского экспорта – вина – с 80 до 10 % при условии, что они будут доставляться в российские порты на португальских судах и за счет португальских купцов. Этим решением Екатерина II подтвердила, что Россия готова к реальному развитию более тесных отношений с Португалией.

Подобная активность российской стороны диктовалась необходимостью облегчить возможность российским эскадрам, направлявшимся в Средиземноморье, заходить в португальские порты. С согласия Лиссабона Россия учредила в октябре 1769 года пост российского генерального консула в Лиссабоне.

И во время! Уже в ноябре-декабре того же года лиссабонский порт приютил потрепанные сильным штормом в Атлантике российский линейный корабль «Ростислав» и пакетбот «Летучий». Офицеры обоих кораблей были приняты королем Жозе I и по его повелению премьер-министром, а также «протчими весьма благоприятно и ласково». Это побудило Екатерину II заявить со своей стороны о готовности также «действовать в духе совершенной взаимности».

На пост генерального консула Екатерина II назначила 2 (13) октября 1769 года проживавшего в Лиссабоне гамбургского банкира Жоау Антониу Боршера (*Jean-Antoine Borchers*). Иоанн Борхерс (так его именуют в архивных документах – *авт.*) происходил из немецко-португальской семьи, проживавшей в Лиссабоне.

В консульском патенте императрицы Екатерины II, выданной И. А. Борхерсу указывалось: «Мы за потребно признали учредить российского генерального консула в городе Лиссабоне и в других приморских местах владений пресветлейшего и державнейшего короля португальского, дабы подданные Наши, которые туда прибудут для отправления купечества своего, могли найти протекцию и вспоможение, которое им будет потребно»¹².

В основные функции консулов рассматриваемого исторического периода входило оказание активной помощи внешнеторговым операциям государства. Главной обязанностью консула являлась «продажа и хранение казённых товаров, наблюдение за их качеством и правильностью в упаковке, весе и мере, за тем чтобы не провозились за границу частными купцами товары заповедные или такие, какими казённый торг производится». Консулу поручалось собирать информацию о том, что может способствовать развитию русской торговли и заботиться, чтобы «никакой отросток её не приходил в умаление или упадок». Он должен был, выражаясь современным языком, отслеживать торговую конъюнктуру страны пребывания и информировать о результатах своих наблюдений «с приобщением своего мнения».

Борхерсу, в соответствии с инструкцией, полученной от Н. И. Панина, поручалось дополнительно выполнять приказание, «кои к Вам посылаемы будут от находящегося в Италии рос-

¹¹ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 43, л. 10–11 об.

¹² АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 213, л. 1–2

сийского императорского г-на генерал-порутчика е. с-ва графа Алексея Орлова или же от обоих шефов над отправленными в Средиземное море для поисков над врагом христианского имени здешних эскадр, а именно: г-на адмирала Спиридова, да контр-адмирала Элфинстона, которые Вы от них получать будете либо по случаю входа их в одну из тамошних гаваней, либо по другому какому поводу»¹³.

К сожалению, надежды российской стороны на то, что назначение генерального консула продвинет вопрос о заключении торгового договора, не оправдались. Борхерс был, скорее, заинтересован в сохранении господства ганзейских и голландских посредников в российско-португальской торговле. Его деятельность в этом направлении во многом объясняет «заморозку» переговоров на долгие годы. Кроме того, он практиковал неоправданно многочисленные назначения вице-консулов и консульских агентов, что вызвало острое недовольство португальской стороны. По повелению королевы всех назначенцев Борхерса уволили.

Вялотекущие переговоры не устраивали императрицу Екатерину II, поскольку отсутствие результатов нарушало ее геополитическую стратегию. Тем более что в середине 1770-х годов в условиях войны североамериканских колоний Англии за свою независимость (1775–1783 годы) неустойчивая геометрия европейской политики менялась в ускоренном темпе, создавая новую международную ситуацию. Российскому флоту срочно требовался выход не только в Средиземноморье, но и на просторы Атлантики.

Эта мысль четко проводится в императорском указе от 5 (16) апреля 1771 года: «Вследствие важности положения наших дел, — говорится в документе, — требуется ныне ближайшее и непосредственное сношение между нами и отдаленнейшими полуденными державами. Сего ради и обратили мы наше внимание на португальский двор, яко такой, коего настоящее политическое состояние само собою к тому свойственно, да и для нас предпочтительно другим выгодно».

В качестве своего специального представителя Екатерина назначила камер-юнкера Степана Зиновьева, формально направлявшегося на лечение в Аахен. «Повелеваем нашему министерству, — говорилось далее в указе, — изыскать пристойные средства к начатию с тамошним двором секретной и со всеми нужными осторожностями сопряженной негоциации о взаимном назначении взаимных министров, а потому и снабдить помянутого камер-юнкера Зиновьева достаточными и пристойными в запас предписаниями, дабы сие дело без огласки начато и совершено быть могло»¹⁴. Содержание указа требовалось сохранять «в непроницаемой тайне».

Более подробные указания С. С. Зиновьеву давались в инструкции Государственной Коллегии иностранных дел¹⁵ от 18 (29) мая 1771 года. В преамбуле документа отмечалось, что «политические и коммерческие интересы наших дворов требуют непосредственной между нами и королем португальским связи и переписки». Для этого необходимо, чтобы «оба двора начали взаимно один при другом содержать аккредитованных министров, а с другой — избежать перед публикой и самой наружности первого от нас в том искания».

Судя по естественному положению земель короля португальского, нет сомнений, чтобы он не был сам рад прямым контактам с С.-Петербургом. Превосходящие силы испанской короны держат его в постоянной тревоге. Поэтому политика лиссабонского двора издавна направлена на поиски дружбы и союза с Великобританией, которая находится в постоянном противоборстве с мадридским и версальским дворами.

Россия, будучи в отношениях с Испанией и Францией в ситуации, аналогичной английской и играя теперь в общеевропейских делах активную роль, диаметрально противоположную Мадриду и Парижу, представляет полезную для португальского короля союзницу. В этих условиях прямая торговля лишь укрепит наши добрые намерения. Нет сомнений, «чтоб португальский двор, а особливо первенствующий оного министр маркиз Помбаль — человек мудрой прозорливости и незаурядных дарований» не примет во внимание эти обстоятельства.

Коллегия одновременно поручила консулу Борхерсу, чтобы он выяснил намерения Лиссабонского двора, а «какой он свет получит на первые внушения, о том велено ему не только сюда донести, но и прямо к Вам писать, адресуя депеши свои в Гаагу к чрезвычайному посланнику князю Голицыну».

В случае сообщения Борхерста, что португальская сторона согласна пойти на обмен послан-

¹³ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 216, л. 1–5

¹⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 6, д. 7177, л. 283–283 об.

¹⁵ АВПРИ, ф. 2, оп. 6, д. 7177, л. 284–295 об.

никами, Зиновьеву следовало ждать в Гааге, когда португальский посланник пересечет границу, и выехать в Лиссабон в качестве посланника России, чтобы вручить верительные грамоты одновременно с португальским коллегой.

На случай, если никаких известий от Борхерста не поступит, Зиновьеву предлагалось самому встретиться с посланником Португалии в Гааге. В ходе беседы «открыться конфидентным образом и единственно для донесения двору его, что Вы получили от министерства её и. в-ва предварительное извещение о будущем Вашем назначении к португальскому двору в качестве министра второго ранга, а между тем и уполномочены уже от одного войти с ним, португальским министром, для выигрыша времени в непосредственное соглашение, надеясь, что он к тому равномерно уполномочен или, по крайней мере, скоро уполномочен будет как о дне назначения при обоих дворах министров, так и о характере их, дабы в том и другом, по предварительному Вашему условию в Гааге, при обоих дворах точное и совершенное равенство, без всякого изъятия, вдруг наблюдается быть могло».

В заключительной части инструкции Коллегии Зиновьеву вновь напоминают о геополитическом значении Португалии для России. В ней, в частности, говорится, что поскольку обе стороны еще не в том состоянии, чтобы вести прямую торговлю, — ибо первая не имеет еще достаточного торгового флота, а вторая использует свой флот в отдаленных владениях, в Восточной и Западной Индиях, — это не должно «мешать тому, чтоб на обе стороны не постановить заранее некоторых ободрений в пользу и самого начала, и первых быть могущих опытов».

В результате прождав несколько месяцев известий от Борхерста и не получив их, С. С. Зиновьев лично встретился с португальским посланником Жозе Вашкешем да Кунья, изложив ему поручение Коллегии.

По информации да Кунья, отправленной в Лиссабон в феврале 1772 года, С. С. Зиновьев сообщил ему, «что ничего так не желает царица, его государыня, как того, чтобы Португалия назначила бы посланника для пребывания в С.-Петербурге, а она одновременно назначит своего для пребывания в Лиссабоне. И вслед за этим первым доказательством взаимной дружбы могло бы последовать другое — подготовка торгового договора, который не может не быть выгодным для двух наций, про-изводящих взаимно необходимые друг другу товары»¹⁶.

Интересны комментарии португальского посланника к полученным от Зиновьева предложениям и сделанные им выводы. Несмотря на то, что нас отделяют от той эпохи более 200 лет, суждения да Кунья актуальны и поныне.

Он, в частности, отмечал, что преимущества, которые последуют после установления прямой торговли между двумя нациями, очевидны. Связанные с морским флотом потребности португальцев в строевом лесу, мачтах, конопле, корабельных снастях, дегте, в льняном полотне и т. д. и потребности русских подданных в винах, водке, сахаре, древесных красителях, соли, какао и т. д. неизбежно вынуждают первых с учетом нынешнего состояния торговли приобретать искомое через посредство голландцев и оплачивать, как следствие, их прибыль, которую они накладывают на первоначальную стоимость товаров, а вторых — удовлетворять свои нужды частично тем же путем, частично прибегая к услугам французов — нации, к которой в связи с нынешней расстановкой сил в Европе они никогда не будут испытывать дружественного расположения.

Конечно (признавал да Кунья), если даже торговый договор «по непредвиденным причинам не будет заключен, мне кажется полезным и даже необходимым с точки зрения благопристойности, чтобы держава, занимающая такое видное положение в Европе, как Португалия, имела своего посланника при дворе, уже многими державами признанном императорским и самым могущественным на Севере — дворе, с которым, несмотря на его отдаленность, они имеют те или иные отношения как с морской державой».

Поездка С. С. Зиновьева в Гаагу не принесла скорых результатов, и беседы российских и португальских дипломатов об обмене посланниками продолжались. В результате восторжествовала взаимная заинтересованность сторон и португальская королева Мария I (1777—1786 годы) приняла решение об обмене посланниками, назначила в 1778 году своим представителем посланника в Гааге Франсишку Жозе де Орта Машаду, прибывшего в С.-Петербург 9 (20) октября 1779 года.

Дату его официальной аудиенции у Екатерины II, состоявшейся 13 (24) октября, принято считать днем установления дипломатических отношений между Россией и Португалией.

¹⁶ Lisboa, I.A.N./ T.T, M.N.E. , C.L.P.P.B., C.794 (fls. 1—5)

В кредитивной грамоте посланника, подписанной Марией I, говорилось о «большом желании» португальской королевы, чтобы с русской императрицей «установилась настоящая и постоянная дружба и между нашими подданными народами святое согласие и гармония...»¹⁷. В свою очередь Екатерина II также в 1778 году приняла решение об установлении дипломатических отношений с Португалией и назначении Вильгельма Нессельроде первым посланником России в Лиссабоне, а 11 (23) января 1779 года подписала кредитивную грамоту, которую он и вручил королеве Марии I 30 мая (10 июня) 1780 года.

Отношения установлены – что дальше?

Ответ на этот риторический вопрос в какой-то степени дает инструкция для Ф. Ж. де Орта Машаду, подготовленная по поручению ко-ролевы посланником Португалии в Англии Л. Пинту де Соуза Коутинью.

Составленное на основе немецкой, английской, голландской географической, экономической и статистической литературы, а также сведений, почерпнутых у служивших в английской столице российских дипломатов, поручение для посланника в России отличается фундаментальностью. Инструкция сконцентрирована на проблемах португальско-российской торговли и путях ее расширения. Анализ многочисленных и разнообразных данных привел ее автора к выводу, «что, ведя пассивную торговлю через посредство голландцев, датчан и гамбургцев, Португалия со всей очевидностью терпит убыток».

Эта «инструкция по торговле с Россией» является по существу многоплановым экономическим обзором состояния российской внешней торговли и конкретных предложений португальской короне¹⁸.

Документ состоит из нескольких ключевых разделов: естественная продукция двух стран; список заводов России и мест их размещения; сводный перечень их экспортных товаров; соображения о торговых отношениях, которым необходимо следовать; о выгодах и ущербе, которые может принести Португалии установление торговли с Россией, в зависимости от времени года и политической ситуации. В документе подробно анализируется широкая номенклатура российских экспортных товаров (более 60 позиций) и даются конкретные предложения об их закупках.

Составитель инструкции отмечает, что обширная территория Российской империи в сочетании с разнообразием её климатических зон является основой того, что её природные ресурсы огромны по своим объемам и пользуются всеобщим спросом. Поскольку Португалия нуждается в пшенице и других видах зерновых для удовлетворения своих потребностей, она должна содействовать торговле названным товаром и росту активности в этом направлении своих подданных, насколько такое окажется возможным. По его мнению, импорт зерновых из стран Балтики и географической зоны Белого моря должен быть освобожден от таможенных пошлин Королевства в течение 10 лет для всех кораблей, являющихся португальской собственностью и имеющих команды, состоящие на 2/3 из португальских моряков. Португальские негоданты должны обладать полной свободой в своих торговых операциях и в принятии решени, где им лучше продать свой товар. Эта торговля, основывающаяся на экономических потребностях страны, может значительно содействовать расширению португальского судоходства.

В отличие от инструкции, данной португальскому посланнику в С.-Петербурге, наказ, данный В. Нессельроде, носил в основном политический характер. Значительное место в нем занимал анализ общеевропейского положения и роли России в решении европейских дел¹⁹.

Подчеркивалось, что «...российская императрица с удовольствием видит шастливое начало» беспосредственных сношений с Португалией и повелевает посланнику заявить, что она «всегда охотно будет стараться о вящем и прочном утверждении узлов истинной дружбы и доброго согласия» между двумя странами; отмечалась и готовность российской стороны к развитию торговых связей с Португалией.

В 1781 году в российскую столицу назначается первый португальский генеральный консул Жозе Педру Селештину Белью. Одновременно он возглавил торговое предприятие «Велью, Араужу и Мартинш», созданное в С.-Петербурге по решению Административного Со-

¹⁷ АВПРИ, ф. 72, оп. 6, д. 1, л. 1–1 об.

¹⁸ Lisboa, I.A.N./T.T. M.N.E., Correspondencia de D. Luis da Cunha, C. 952 (fls. 1–16)

¹⁹ АВПРИ, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 2–15

вета компании Алту Дуэру, которое получило название Дом португальской торговли. В 1782 году в Кронштадте учреждается должность португальского экспедитора, ведавшего доставкой товаров из этого порта в С.-Петербург. Там же открывается и госпиталь для португальских моряков, который являлся тогда единственным лечебным заведением для иностранных моряков в этом порту. В декабре того же года в С.-Петербурге создается фактория португальских купцов, обосновавшихся в российской столице.

Португальский посланник в С.-Петербурге Франсишко Жозе Орта Машадо за 20 лет своего пребывания в России внес огромный вклад в развитие отношений между нашими странами: были учреждены консульства и подготовлены договоры между Португалией и Россией, в частности Договор о вооруженном нейтралитете (1782 год), который устанавливал режим свободного мореплавания для кораблей с неконтрабандным грузом, и в развитие этого — Морская конвенция для охранения свободы нейтрального торгового мореплавания (1782 год). В Морской конвенции, подписанной со стороны России вице-канцлером графом И. Остерманом, а со стороны Португалии — Ортой Машадо, подчеркивалось, что обе «Высокие Договаривающиеся Стороны будут соблюдать точнейший нейтралитет и надзирать за строжайшим исполнением запрещений, учиненных относительно торговли обоюдных их подданных заповедными товарами»²⁰.

Важнейшей задачей российской и португальской дипломатии в 80-х годах XVIII века оставалась подготовка торгового договора между двумя странами. Обе стороны детально и скрупулезно изучали предложения друг друга, привлекали экспертов к оценке перспектив планировавшегося товарообмена, настойчиво отстаивали в дискуссиях свои позиции, о чем свидетельствуют многочисленные российские и португальские архивные документы. Итогом этой многолетней работы и крупным событием в истории российско-португальских отношений стал долгожданный Договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный 9 (20) декабря 1787 года²¹ с российской стороны Остерманом и действительным тайным советником А. Воронцовым, а с португальской — Ортой Машадо. В этом документе из 41 статьи, который активно предлагался Россией к разработке и заключению на протяжении почти 50 лет дипломатических переговоров, констатировалось, что обе державы обязуются «как за себя, так и за всех своих подданных без изъятия». Они обязуются поступать «взаимно во всех случаях дружески как на море, на сухом пути и на пресных водах, помогая взаимно всякого рода добрыми услугами, особливо в том, что может касаться до плавания и торговли. Устанавливались льготные таможенные пошлины: со всех вин, произражения португальского, островов Мадейры или Азорских, привозимых в Россию на российских или португальских судах. Ее Величество императрица согласна, чтобы португальские корабли привозили ежегодно в Ригу или Ревель по 6 тыс. ластов (1 ласт = 2 т) соли, платя только половину пошлины. По договору из России в Португалию разрешалось везти доски, мачтовый лес, льняное масло, железные обручи, ядра, пушки, а из Португалии в Россию — бразильские индиго и молотый табак, португальские товары.

Оговаривалось право сторон учреждать посты генеральных консулов, консулов и вице-консулов, португальским купцам даровалось право уплачивать пошлины во всей Российской империи «российскою ходячею монетою», что ставило их в одинаковое положение с русскими купцами; закреплялось снижение пошлин на португальские вина, установленное в 1766 году, объявлялось о половинном снижении пошлин на оговоренное количество португальской соли, импортируемой в Ригу и Ревель, а также на традиционные товары русского и португальского экспорта, доставлявшиеся на национальных судах обеих стран. Устанавливались особые привилегии для купцов той и другой стороны, поселившихся в С.-Петербурге, Москве, Архангельске, Лиссабоне, Порту, Сетубале. Кроме того, российским купцам, обосновавшимся в Португалии, предоставлялось право пользоваться преимуществом в судопроизводстве, как оное «наблюдаемо в пользу английской нации». Ряд статей закреплял достигнутые ранее договоренности о морском вооруженном нейтралитете. Договор 1787 года, заключенный на 12 лет, стал базовым договорно-правовым актом в системе российско-португальских отношений.

От торгового договора к обеспечению совместной безопасности

Жизнь доказала взаимную выгоду прямой торговли и по истечении срока действия договора 1787 года. 16 (27) декабря 1798 года Россия и Португалия подписали новый договор²², ко-

²⁰ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.293, л.1–5 об.

²¹ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.294, л. 2–20 об.

²² АВПРИ, ф.163, оп.2, д.296, л. 2–20 об.

торый, как писал спустя четыре дня император Павел I в своем рескрипте посланнику России в Лиссабоне Х. Рехтерену, основывался «на правилах прежде существовавшего, с теми только отменами, кои сообразимы быть должны с разными новыми в империи нашей распоряжениями»²³.

Действительно, в него была важная правка, касавшаяся статуса военных кораблей (ст.15–17). В ст. 15 указывалось: «Военным кораблям обеих союзных держав будут во взаимных государствах свободны и отверсты рейды, реки, порты и пристани для входа или выхода и стояния тамо на якорях, сколько им нужно будет, не подвергаясь никакому осмотру только бы они сообразовались общим законам благочиния и предписаниям карантинным, во взаимных государствах учрежденным», Заключительная статья определяла срок действия договора - стороны «соглашаются между собою, чтоб настоящий таковой договор продолжался двенадцать лет, считая от окончившегося срока прежнего договора, заключенного в 9/20 день 1787 года» (ст. 37).

Договоры о дружбе, торговле и мореплавании 1787 и 1798 годов, вобравшие в себя позитивный опыт развития российско-португальских отношений, стали благоприятной основой для формирования в целом климата двусторонних отношений, в том числе и во многих других областях. Этому способствовало и то обстоятельство, что отношения России и Португалии продолжали оставаться свободными от каких-либо противоречий, взаимных претензий, элементов конфликтности, и обе страны неоднократно демонстрировали примеры симпатии, доброжелательства и солидарности между своими народами. В Португалии с пониманием относились к объективной заинтересованности России в ее портах: там русские торговые и военные корабли могли укрываться от штормов, производился их ремонт, пополнялись запасы воды и продовольствия. Это открывало России возможность активнее развивать свои торговые связи с другими странами и надежнее защищать свои интересы в Атлантике и средиземноморском бассейне.

К концу XVIII столетия основным фактором европейской политики стал новый постреволюционный режим во Франции. Россия вошла в антифранцузскую коалицию, и русское правительство старалось влиять на европейские государства, в том числе и через лиссабонский двор. В декабре 1798 года в рескрипте русскому посланнику в Португалии Рехтерену император Павел I предписывал довести до сведения государственного секретаря Л. Пинту де Соузы, что он желал бы, чтобы Португалия предприняла усилия к тому, чтобы разрушить союз Испании и Франции²⁴.

В ответной депеше португальское правительство поручило своему посланнику сообщить, что королева, «желая дальнейшего укрепления связей, которые уже соединяют ее с российским двором, хотела бы не ограничивать их лишь простыми торговыми сношениями. Прежде всего она желала бы заключить с российским двором союзный оборонительный договор на срок, который будет определен сторонами, постольку поскольку российский двор не имеет обыкновения заключать бессрочные договоры на вечные времена. В связи с этим ее в-во повелевает, чтобы Вы дали знать российскому правительству о ее королевских намерениях и желаниях и настоятельно испросили у него ответ, который бы позволил начать переговоры»²⁵.

В июле 1799 года Россия разорвала отношения с Испанией и объявила ей войну. Принимая во внимание угрозу, которую представляла Испания для своей соседки, и стремясь сохранить с ней отношения дружбы, Россия пошла на подписание осенью 1799 года Союзного оборонительного договора между Россией и Португалией²⁶.

Договор предусматривал обязательство сторон «оказывать взаимную помощь на суше и на море в случае неприятельского нападения». По нему португальская сторона брала обязательство, что в случае просьбы «она немедленно отправит к нему эскадру в шести военных судах, а именно: пять кораблей от 64 до 74 пушек, и сия эскадра будет надлежащим образом для войны снаряжена». Россия, со своей стороны готова направить «шесть тыс. человек пехоты» (ст. 4).

Хотя этот договор не нашел практического применения в крайне сложной и противоречивой военно-политической обстановке в Европе в начале XIX века, он подтвердил, что Россия стремилась в меру возможностей оказывать дипломатическую поддержку усилиям Португалии, пытавшейся удержаться в стороне от военного противоборства великих держав.

²³ АВПРИ, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 236–237

²⁴ АВПРИ, ф.73, оп.1, д.9, л. 236–237

²⁵ Lisboa, I.A.N./T.T., M.N.E., D.L.P., Livro 109 (fl.259)

²⁶ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.297, л. 1–13

Вместо заключения

Российско-португальские отношения XVIII века — наиболее насыщенный период двустороннего взаимодействия — остается малоизученной темой как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Число трудов, специально посвященных данной проблеме, невелико. Отношения с Португалией в России и с Россией в Португалии никогда не считались приоритетом внешней политики и были обойдены вниманием историков. Лишь под влиянием апрельских событий 1974 года — «революции гвоздик» — произошел определенный всплеск интереса к Португалии. Оживилась научно-исследовательская работа по различным аспектам российско-португальских отношений — истокам их установления и сложившимся в XVIII–XIX веках традициям, оценке роли выдающихся личностей обеих сторон в становлении двустороннего сотрудничества. Однако распад Советского Союза и поиск Россией своего места в меняющемся мире вновь незаслуженно отдалил португальские сюжеты на задний план.

Литература

1. Россия-Португалия: XVIII — начало XX века. Том 1, 1722–1815. Сборник документов. — М., 2007, 941 с.
2. Альперович М. С. У истоков русско-португальских отношений (вторая половина XVIII — начало XIX века) // Новая и новейшая история. 1988. № 1. С. 65–82.
3. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. — М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве МИД. 1897. 319 с.
4. Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г. Российские дипломаты и консулы в Португалии в последней трети XVIII — начале XX века // Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.). — СПб.: Издательство СПбГУ. 2001. С. 213–230.
5. Фомичев П. Е. Российско-португальские торгово-экономические отношения в XVIII — начале XIX века // Латинская Америка. 2003. № 8. С. 69–76.
6. Фомичев П. Е. Российско-португальские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVIII — начале XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. — СПб., 2005. 179 с. РГБ ОД, 61:05-7/1172.
7. Brandao F. C. de. A politica externa portuguesa e aliança defensiva de 1799 com a Russia. Lisboa. 1985. A politica externa portuguesa e alianca defensiva de 1799 com. a Russia. — Lisboa. Heuris. 1985. 40 p.
8. Carvallio Romulo de. As relates entre Portugal e a Russia no seculo XVIII. — Lisboa. Sa da Costa Editora. 1979. 274 p.
9. Marques A. H. History of Portugal. Vol. I. — N.-Y.-L. Columbia Univ. Press. 1972.52; Ogg D. Europe of the Aacien Regime. 1715 1783. — Glasgow. William Colins and sons. Co Ltd. 1978. 384 p.
10. Payne A., Stanley G. A history of Spain and Portugal. Vol. II. — The University of Wisconsin Press. 1976. 712 p.
11. Rougle W. P. As relações luso-russas atraves da imprensa portuguesa no seculo XVIII. — Lisboa. Academia das ciencias de Lisboa. Institute de altos estudos. 1979. 85 p.